

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований
Санкт-Петербургский институт истории
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
Санкт-Петербургский научный центр
Объединенный научный совет
по общественным и гуманитарным наукам

Академик А. А. Шахматов:
жизнь, творчество, научное наследие

(к 150-летию со дня рождения)

Нестор-История
Санкт-Петербург
2015

УДК 80/81
ББК 81.2
А38

А38 Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. — 1040 с.

ISBN 978-5-4469-0774-8

В сборник статей, издаваемый к 150-летию со дня рождения академика Алексея Александровича Шахматова (1864–1920), вошли исследования, посвященные жизни и творчеству ученого, а также статьи по современным проблемам тех направлений истории и филологии, развитие которых во многом определили его труды: изучение русского летописания, история русского языка, русская грамматика, русская диалектология, лексикология и лексикография. Сборник предназначен для широкого круга специалистов в области гуманитарного знания.

УДК 80/81
ББК 81.2

Ответственные редакторы издания:

к.ф.н. *О. Н. Крылова*,
д.ф.н. *М. Н. Приемышева*.

Ответственные редакторы разделов:

д.и.н. *В. Г. Вовина*, д.ф.н. *М. Д. Воейкова*, к.ф.н. *С. Св. Волков*,
к.ф.н. *В. Н. Калиновская*, к.ф.н. *О. Н. Крылова*, д.ф.н. *И. А. Мальшева*,
д.ф.н. *С. А. Мызников*, д.и.н. *А. В. Сиренов*, д.ф.н. *М. Н. Приемышева*,
д.ф.н. *О. А. Черепанова*.

Утверждено к печати

Институтом лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербургским институтом истории РАН

ISBN 978-5-4469-0774-8

© Институт лингвистических исследований РАН, 2015
© Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2015
© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, 2015

Ил. 1. А. А. Шахматов.
Гимназическая фотография. 1883 г.
СПФ АРАН[©]. Р. Х. Оп. 1-Ш. Д. 113. Л. 1.

Алексей Александрович Шахматов (1864–1920) был выдающимся русским ученым. По словам В. В. Виноградова, «в истории русской филологии нет главы более яркой и волнующей, чем деятельность Алексея Александровича Шахматова». С именем Шахматова связано развитие важнейших направлений отечественной русистики, а также фольклористики и этнографии. Исследования А. А. Шахматова остаются фундаментальными при изучении русского летописания.

Рано потеряв родителей, А. А. Шахматов воспитывался в семье дяди в Саратовской губернии, затем поступил в московскую частную гимназию Фр. Креймана. Осенью 1879 г. А. А. Шахматов перешел в IV московскую гимназию, которую окончил в 1883 г. Склонность к научным исследованиям А. А. Шахматов проявил еще гимназистом. Любовь к древностям и удивительная филологическая интуиция этого «чудо-ребенка» обратили на себя внимание таких известных филологов, как Н. И. Стороженко и В. Ф. Миллер, которые ввели его в мир большой Науки, познакомив с профессорами Московского университета — Ф. И. Буслаевым, Ф. Ф. Фортунатовым и Ф. Е. Коршем. Легендарным эпизодом в жизни А. А. Шахматова-гимназиста стало его успешное критическое выступление в 1882 г. на защите магистерской диссертации уже известного ученого А. И. Соболевского.

По окончании гимназии в 1883 г. А. А. Шахматов поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где под руководством Ф. Ф. Фортунатова (1848–1914), который

на всю жизнь стал его учителем, наставником и другом, стал заниматься сравнительно-историческим изучением славянских языков.

В 1887 г. А. А. Шахматов окончил Московский университет. Все были уверены, что ему светит блестящая карьера университетского профессора, но неожиданно для всех в 1891 г. он уезжает работать земским начальником в Саратовский уезд и проводит там более трех лет.

В 1894 г. он защитил магистерскую диссертацию «Исследования в области русской фонетики», за которую ему сразу же была присвоена докторская степень, и вскоре был приглашен в Императорскую Академию Наук для руководства над «Словарем русского языка». В 1895 г., в 30 лет, он избирается адъюнктом, в 1897 г. — экстраординарным академиком Академии наук, а с 1898 г. становится членом ее правления.

В 1899 г. А. А. Шахматов был избран директором Русского отделения Библиотеки Академии наук, а с 1908 г. становится приват-доцентом и впоследствии профессором Петербургского университета. В последний год жизни А. А. Шахматов возглавлял также Иностранное отделение БАН.

А. А. Шахматов, занимаясь проблемами происхождения русского языка, следовал традициям школы сравнительно-исторического языкознания. Для этого он уже в первых своих научных работах стал использовать древнерусские письменные тексты, в том числе — тексты летописей. Он применил к летописям те приемы, с помощью которых лингвисты исследовали происхождение языков: он увидел в летописях некую единую семью, подобную языковой семье, все члены которой связаны друг с другом. Эту сложную систему родственных связей он и исследовал, стараясь добраться до «родоначальников» известных нам летописных текстов. Таким образом, Шахматов стал создателем такой схемы соотношения между собой летописных текстов, которая, в основном, признается и современными исследователями.

Шахматов оставил заметный след в истории отечественной лингвистики: его работы по проблемам происхождения русского языка, развития русского литературного языка, по изучению русских диалектов на широком славянском фоне, по синтаксису современного русского языка до сих пор актуальны, самобытны и оригинальны и свидетельствуют о богатой интуиции ученого, об уникальном его методологическом подходе — исторический принцип тесно переплетался в его исследованиях с психологическим подходом. Шахма-

тов остался и единственным в истории отечественной лексикографии создателем концепции словаря-тезауруса русского языка: словаря, в который должны были быть помещены все слова русского языка, употребленные хотя бы раз в русском языке за всю историю его существования.

Но А. А. Шахматов не был просто кабинетным ученым. Либерал по убеждениям, в 1905 г. он стал членом партии кадетов, принимал активное участие в ее работе, был членом реформированного Государственного совета, где активно выступал в защиту прав народов Российской империи — финнов, литовцев, грузин, украинцев, а также боролся за права студентов. Он поддержал Февральскую революцию 1917 г., но не принял революцию Октябрьскую.

В наступившее затем тяжелое для России время А. А. Шахматов остался в Петрограде, продолжал преподавание в Университете, поддерживал коллег. Он стойко переносил физические страдания и голод, и зимой 1919–1920 г., по воспоминаниям учеников, имел еще силу и мужество читать перед тремя оставшимися слушателями лекции в университетской аудитории, где температура была ниже нуля. Ему было свойственно удивительное чувство ответственности за всё и за всех, кто его окружал, шла ли речь о молодых исследователях, нуждавшихся в поддержке, или о старом и немощном курьере Рукописного отдела Библиотеки Академии наук Илье, которого он взял в самое голодное и тяжелое время к себе в дом и который у него дома и умер.

Непосильная физическая работа, доставшаяся ему как единственному мужчине в семье, подорвала его силы. Но все же А. А. Шахматов лично хлопотал о спасении и перевозке в Библиотеку Академии наук ряда выдающихся книжных собраний, например, собственноручно разгружал подводы с книгами А. И. Соболевского. Все это в сочетании с крайним истощением послужило причиной внезапной серьезной болезни, от которой он скорострительно скончался 17 августа 1920 г. Весть о смерти А. А. Шахматова сразу же облетела все научные центры Европы и вызвала невероятно широкий отклик ученого сообщества. Так погиб один из величайших русских ученых и выдающийся человек...

В. Г. Вовина-Лебедева, А. В. Сиренов

Сборник статей, подготовленный к 150-летию со дня рождения А. А. Шахматова, включает материалы двух сессий юбилейной конференции, посвященной изучению научного наследия ученого и проходившей в Санкт-Петербурге в *июне и октябре* 2014 г. Первая сессия, организованная Институтом лингвистических исследований РАН и Санкт-Петербургским филиалом Архива РАН при участии Объединенного научного совета по общественным и гуманитарным наукам СПбНЦ, была посвящена филологическому и лингвистическому наследию ученого. Вторая сессия, проходившая по инициативе Санкт-Петербургского института истории РАН, Исторического факультета СПбГУ и Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, была посвящена современным проблемам изучения русского летописания и роли Шахматова в традиции изучения летописей. Жизнь и творчество ученого, новые факты его биографии, редкие архивные данные были предметом интереса исследователей на протяжении работы обеих сессий конференции.

Огромный интерес к личности и творческому наследию академика А. А. Шахматова подчеркивает уникальность творческого дара ученого, а также значимость и актуальность его научного наследия в наше время: в работе конференции приняло участие более 90 представителей разных научных специальностей — историков, лингвистов, литературоведов, работников архивов и библиотек, которые стали авторами статей настоящего сборника. Различные направления их исследований нашли отражения в соответствующих разделах издания: «Об академике А. А. Шахматове (к 150-летию со дня рождения)», «А. А. Шахматов и ученое сообщество России», «Традиции А. А. Шахматова и изучение истории летописания» (редакторы *д.и.н. В. Г. Вовина-Лебедева, д.и.н. А. В. Сиренов*), «Наследие А. А. Шахматова и вопросы истории русского языка и лингвистического источниковедения» (редакторы *д.ф.н. И. А. Мальшева, д.ф.н. М. Н. Приемьшева, к.ф.н. В. Н. Калиновская*); «Русская историческая лексикология и лексикография» (редактор *д.ф.н. О. А. Черепанова*), «А. А. Шахматов и традиции изучения русской диалектологии» (редакторы *д.ф.н. С. А. Мызников, к.ф.н. О. Н. Крылова*), «Проблемы теории и истории русской грамматики: шахматовское наследие» (редактор *д.ф.н. М. Д. Воейкова*), «Лексикографическая деятельность А. А. Шахматова» (редакторы *к.ф.н. В. Н. Калиновская, д.ф.н. М. Н. Приемьшева*), «Проблемы современной русской лексикографии» (редакторы *к.ф.н. С. Св. Волков, д.ф.н. М. Н. Приемьшева*).

**ОБ АКАДЕМИКЕ
А. А. ШАХМАТОВЕ
(к 150-летию со дня рождения)**

Макаров Владимир Иванович

Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского
Россия, г. Брянск

Предназначение человека — «увеличивать сумму добра на земле» (А. А. Шахматов)

Для понимания мировоззрения А. А. Шахматова чрезвычайно важно его последнее предсмертное письмо августа 1920 года, написанное им в связи с днем рождения дочери Софьи. Это огромное письмо посвящено вопросу, который каждый из нас задает себе не один раз: в чем смысл нашей жизни? Для А. А., и ученого и человека, смысл жизни заключался во всестороннем развитии личности...

Вот некоторые из важных мыслей А. А. Шахматова, изложенные в этом письме. Сложная природа человека позволяет различать три вида явлений: ум, чувство и волю. Задача человека — совершенствовать все эти виды. Ко всем элементам знания надо относиться с высоким уважением: знание может привести к достижению, познанию истины, высочайшего понятия, которое неизменно ведет его к добру. Что касается чувств, то гамма их обширна. Положительный характер имеют только те чувства, которые не ставят человека в острый конфликт с его ближними. Это чувство любви, чувство красоты, чувство долга и пр. Эти чувства в развитии дают в своих проявлениях такие результаты, которые мы называем благом.

Человечество нуждается в увеличении добра на земле, оно жаждет добра, ибо разрастание зла грозит утопить человечество и отдельные человеческие личности в пучине зла. Для нас весьма ценна возможность утверждать, что умственное и эмоциональное наше развитие приводят к одному и тому же результату — увеличению добра на земле.

Говоря о религии, А. А., человек религиозный, подчеркнул, что он не знает другой религии, кроме христианской, которая бы так глубоко проникла в духовную природу человека и выдвинула на такую высоту чувство любви [ОР РНБ. Ф. 326].

Примечательно, однако, что 15-летний Алексей Шахматов размышлял в письме к старшей сестре Евгении и о важности любви к себе: «Человек, милая Женя, должен любить себя, он должен весь предаться себе, иначе он не человек. В нем тогда нет ни самолюбия, ни честолюбия, когда он сам себя не любит. Но что значит любить себя? — задавал подросток вопрос и себе, и сестре. И отвечал: «Это вовсе не

значит любить себя так, чтобы пренебрегать любовью к другим, я должен себя обнаруживать тем, что я для чего-нибудь пишу, я должен быть уверен, что я не пишу понапрасну и что я что-нибудь сделал, раз я занимаюсь филологией... Я сознаю, что лишь одна тысячная у меня готова, и, сделав только тысячу тысячных, я сделаю все» [Масальская 1929: 192]. Можно думать, что эти мысли пятнадцатилетнего аналитика о любви к себе — это фактически мысли о труде, о себе в труде. Таким и был А. А. Шахматов всю его недолгую многотрудную жизнь.

Формированию личности А. А. Шахматова как человека и ученого способствовал ряд обстоятельств, и прежде всего разносторонние культурные, гуманистические традиции семьи (да, собственно, всего шахматовского рода), ее достойные моральные качества, высокие интеллектуальные запросы и способности, а также глубокие эстетические интересы.

В формировании будущего ученого, его склонностей и умений трудно переоценить значение его ближайших наставников: Ф. Ф. Фортунатова, Ф. Е. Корша, И. В. Ягича, В. Ф. Миллера, Н. И. Стороженокo, увидевших в гимназисте необычайно талантливого подростка, одержимого научными интересами в области истории славянства, и с восторгом пошедших навстречу этим интересам мальчика.

Будучи еще гимназистом. Алексей испытывал истинное счастье от слов И. В. Ягича из его письма от 9 декабря 1881 г.: «Я утешаюсь тем, — писал Ягич подростку, — что мы ведь скоро увидимся» [Шахматов 1947]. А Ф. Ф. Фортунатов, ученый европейского масштаба, так не любивший печататься, человек, к которому приезжали из всей Европы учиться, считали за честь с ним пообщаться как с ученым и не менее — как с человеком, и этот великий человек пишет всего лишь вчерашнему выпускнику Московского университета: «Вот уже более года, как мы расстались с Вами, а я все еще не могу привыкнуть к Вашему отсутствию» [ОР РНБ. Ф. 370. Ед. хр. 82]. Поразительна была эта крепкая привязанность маститых ученых к юному российскому подростку! И вообще покоряет и восхищает высокая этика отношений и друг к другу и к ученикам своим этих выдающихся личностей!

Но рядом с великими научными успехами в жизни этого обладавшего очень тонкой психикой человека, каким был А. А., постоянно вторгались изнуряющие и душу его, и его мозг беды, узко личные, семейные, и беды столь дорогой ему университетской молодежи, и великая трагедия всего российского общества конца одного и начала другого века, — все принималось им очень близко к сердцу и, как червь, подтачивало его нервы... Поистине, «питие мое с плачем растворях».

Самые ранние годы Алексея и его двух сестер (старшей Евгении и младшей — Ольги), — эти первые годы жизни в атмосфере взаимной любви, родительской заботы, поэзии, музыки, были прекрасны, безмятежны и на всю жизнь определили их интересы. Но, как это часто бывает в жизни, неожиданная жестокая беда настигла их очень рано: Алексею было всего шесть лет, когда от туберкулеза в тридцатилетнем возрасте скончалась их мама, а всего через полгода умер и отец, честный, высоко ценимый губернский прокурор, так любивший свою нелегкую работу, а главное — еще больше любивший семью. «Я люблю деловую жизнь, — как-то признался он, — увлекаюсь ей, но она занимает только ум, не наполняя души. Даже среди самых важных дел и общественных удовольствий я чувствую потребность сердечной, сильной привязанности, и вся жизнь бесцветна, не полна и поверхностна без семьи» (из воспоминаний старшей сестры А. А. Евгении Масальской об отце) [РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 5].

Можно без сомнений утверждать, что приведенные нами слова отца, Александра Алексеевича, целиком соответствуют мироощущениям и его сына: любовь А. А. к жене и постоянные хлопоты о ней, нервной, болезненной, испытывавшей тяжкое состояние из-за мучительной болезни зоба, для чего часто приходилось возить ее к европейским врачам во Францию, Германию, Швейцарию; любовь к детям, усиленная, несомненно, еще и воспоминаниями о раннем собственном сиротстве, была поистине безграничной.

Видимо, именно ранней смертью родителей объясняются его удивительные по трагичности слова, адресованные своим саратовским тете и дяде (взявшим в свое время троих осиротевших детей на воспитание) в день его двенадцатилетия: «Как коротка человеческая жизнь! — писал мальчик. — Может статься, что я прожил уже половину своей жизни! И что же, ничто в моей жизни не достойно похвалы» [Масальская 1929]. И это при том, что к этому времени мальчиком уже написано немало небольших статей и огромное сочинение об истории Руси XIII–XV вв. в трех частях, на более чем трехстах страницах.

Неимоверной трагедией А. А. Шахматова и его жены Наталии Александровны (урожденной Градовской, дочери известного петербургского профессора истории А. Д. Градовского) стала болезнь (туберкулезный менингит) их прикованного в течение 12 лет (1898–1910) к постели сына Сашеньки и его неминуемая смерть. Сколько мужества нужно было иметь этому с детства, по словам старшей сестры, мнительному, «мягко чувствующему» человеку (речь идет об Алексее

Александровиче), чтобы каждый день видеть это мучающееся, беспомощное родное свое дитя и еще пытаться вселять всем домашним надежду на его выздоровление и хорошо понимать при этом, что надежда-то эта так жестоко мала... Да еще в это время дотошно изучать тысячи памятников письменности, исследовать две сотни объемистых летописных текстов, чтобы восстановить облик самого древнего, исходного из них, писать и редактировать книги, статьи, писать сотни писем и отвечать на них, составлять, как правило, множество рецензий на всевозможные научные сочинения, создавать в одиночку неимоверно трудный словарь-тезаурус и почти ни с кем (кроме ближайших старших учителей и друзей), иметь силы не заводить речи об своей страшной трагедии, не пожаловаться на судьбу, чтобы хоть как-то утишить свою боль... Ко дню ли своей свадьбы, ко дню ли рождения жены и детей А. А. любил им, живущим с ним ближе быть не может, — в одной квартире, писать поздравительные, а по сути своей всегда благодарственные письма ... «Дорогая Шунечка! — писал он жене 31 марта 1910 г., в 14-й год после женитьбы, — поздравляю тебя и себя с новой годовщиной. Тебя поздравляю с тем, что с каждым годом я все больше Тебя обожаю, если только это тебя радует. Себя же поздравляю с тем неизмеримым счастьем, которое ты мне даешь. Твой А. Шахматов» [РНБ. Ф. 370. Ед. хр. 84. Л. 15]. Год спустя: «Дорогая Шунечка! В день пятнадцатилетия нашей свадьбы мне бы, конечно, хотелось сказать Тебе много нежного и хорошего, все, что выразило бы полным образом мое чувство любви к Тебе, а также благодарности за длительное счастье, которое Ты мне подарила... Не меняйся, в отношении ко мне, не закрывай от меня свою душу и береги свои силы. Они — эти силы и вся Ты, моя дорогая, нужны и мне и детям. Твой А. Шахматов» [РНБ. Ф. 370. Ед. хр. 84. Л. 38].

А. А. Шахматов был «неисправимым» альтруистом. Завершив обучение в Московском университете, оставленный для преподавания и для приготовления к профессорскому званию, то есть хорошо понимая, что карьера его будет обеспечена, молодой, талантливый человек вскоре напрочь бросает все это и уезжает в родную Вязовскую волость Саратовской губ. земским начальником, питая надежду, что сможет помочь бедному крестьянству в эти голодные годы, когда, к тому же, здесь собирала свою обильную жертву пришедшая с Каспия коварная и жестокая холера. Узнав об этом решении молодого друга, И. В. Ягич в Берлине всполошился, тотчас же написал письма попечителю Московского учебного округа графу Капнисту, министру народ-

ного просвещения графу Делянову с убедительной и настойчивой просьбой всеми силами остановить отъезд выдающегося молодого ученого Шахматова. Из их канцелярий шли письма беглецу, в них обещались золотые горы, очень хорошая зарплата, но молодой земский остался непреклонен и уехал в родное село. Впоследствии гостивший у Шахматова в его родной Губаревке норвежский филолог Олаф Брок вспоминал: А. А. всячески стремился смягчить нравы крестьян, обращал внимание на народное образование, освещал мужикам выгоды этого образования и предлагал лично покрывать большую часть издержек, которых требовало образование. А. А. тушил пожары, разбирал многочисленные конфликты, хлопотал о поливе здесь почти всегда засушливых земель, смело бросался сам тушить пожары, боролся с падежом скота... В такие минуты его невидимая фигура как бы вырастала ... Бабы являлись к Шахматову: у кого корзинка с яйцами, у кого — уточка под рукой. Он протестовал до слез, объяснял обязанности должностного лица, а народу — подобающее понимание своего права и достоинства. Он стремился смягчать нравы и отношения между крестьянами» [РНБ. Ф. 846. Ед. хр. 13. Л. 3]. Зная, как много пришлось перенести молодому человеку в этой должности лишь за первый год земства, Ф. Ф. Фортунатов писал ему в письме 16 января 1892 г.: «Этот один год надо считать, конечно, по крайней мере за три нормальных года» [РНБ. Ф. 370. Ед. хр. 82]. Хорошо знавший Шахматова неприменный секретарь РАН С. Ф. Ольденбург вспоминал, что Шахматов по духу был вовсе не городской, а сельский человек. Он выработал в себе четкий взгляд на закон и законность и не разделял глубоко засевшего в каждом из нас русского отношения к закону, то есть представления, что закон создается только для того, чтобы его обходили. Неуважение к закону, считал ученый, — один из самых пагубных видов нашей общественной лжи, который рождает неустойчивость жизненных отношений людей» [Ольденбург 1922: 67–68].

В предреволюционное время страсти в студенческой среде и в столицах, и на периферии накалялись, но правительство не находило иных путей утихомирить студентов, как исключать их из учебных заведений и бросать в тюрьмы. А. А. Шахматов вообще-то не разделял революционных устремлений в обществе и со студенческой скамьи старался быть подальше от политики. В письме к А. И. Соболевскому он откровенно писал, что его «сильно пугает политика, если она присоединится к нашему делу» [СПФ АРАН. Ф. 176. Оп. 2. Ед. хр. 496. Л. 52]. Под «нашим делом» ученый понимал усилия по организации

межславянского научного съезда или, по крайней мере, совещания.

Ученый в меру своих сил и даже сверх меры стремился способствовать смягчению участи многих студентов. Он содействовал талантливым ее представителям и в учебе, и в пробе научного пера. В одной из публикаций мы рассказали об оплате А. А. Шахматовым за обучение ряда студентов Петербургского университета в связи их безденежьем и угрозой быть отчисленными из вуза за неуплату за обучение за несколько недель до окончания курса. При этом Шахматов просил ректора университета не разглашать имя внесшего в кассу необходимую сумму [Макаров 1984: 6]. К слову сказать, Шахматовы-родители и другие многочисленные родственники ученого вовсе не принадлежали к числу богатеев, как и впоследствии семья самого Алексея Александровича.

В Архиве РАН нам удалось обнаружить интересное письмо академика от 14 мая 1909 г. к какому-то высокому полицейскому чину с просьбой разрешить предоставлять в тюрьму арестованному по политическим мотивам студенту Петербургского университета Павлу Елисеевичу Щеголеву (впоследствии крупному пушкинисту) больше книг, чем было до этого ему разрешено, ведь для успешного научного исследования несомненно нужно иметь под рукой в большинстве случаев больше книг... И далее как будто в оправдание — еще более наивно звучащее объяснение идеально мыслящего ученого российскому полицейскому начальнику: «Ученая литература наша так разрослась, в особенности за последние два десятилетия».

В 1914 г. Шахматов хлопотал об арестованных студентах: «прямо-таки выдающемся студенте Валке», исключенном из Духовной академии Дмитриии Ивановиче Абрамовиче, оставшемся без средств к существованию составителе ученого описания Софийской библиотеки, «очень ценном человеке для науки», которого, как писал А. А. Ф. Е. Коршу, «надо поддержать и сохранить для науки» [СПФ АРАН. Ф. 558. Оп. 4. Ед. хр. 366. Л. 343 об.]; о Павле Матвеевиче Евдокимове, студенте историко-филологического факультета Петербургского университета, с 7 февраля по 1 марта 1911 г. сидевшего в «предварилке» и ожидавшего суда, якобы за участие в деле братьев Яковлевых, пытавшихся покуситься на жизнь царя. В письме к А. А. Шахматову от 24 марта этого же года заключенный, осознавая посылку своего письма из тюрьмы профессору, академику шагом не очень приличным, объясняется ему: «Но что уже мне делать, если я один как перст и мне тяжело. Да я и не пишу г[осподину] профессору: человеку пишу, человеку, откликнувшемуся на мое горе и протянувшему мне руку

помочь выбраться из тины... заблуждений. Спасибо Вам, глубокое, сердечное, спасибо за участие». Но этим словам предшествовали и другие, не менее важные, слова признания: «Единственное желание у меня уехать за границу, лучше чистить сапоги в Париже и быть дворником, но свободным, без этого хамства, или в Англии ходить с шарманкой, но писать “Я” — с прописной буквы... Благородство мне еще пригодится в будущем и сорить им не след» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 501. Л. 2–3 об.].

Впрочем, будучи высланным в Париж, Евдокимов изучил там библиотечное и музейное дело, прослушал курс философского факультета Парижского университета. Молодой человек владел украинским, белорусским, сербским, польским, немецким, французским, латинским, древнегреческим языками. Какой находкой он был для Шахматова: с таким багажом знаний языков как не заниматься бы лингвистикой, да еще под руководством такого великого учителя! В июле 1914 г. Евдокимов вернулся в Россию для сдачи экстерном государственных экзаменов. В советское время он станет работником просвещения. Будет изучать северно-русские говоры, на кафедре Ленинградского университета преподавать латинский язык [Архив РГПУ им. А. И. Герцена. Д. № 554].

Н. Н. Дурново 25 февраля 1914 г. писал А. А. Шахматову о том, что в Харьковском университете профессор А. Л. Погодин и компания выступили против молодого ученого Л. А. Булаховского из-за его неславянского происхождения и на магистерском экзамене по славянским языкам устроили ему «распекание» по мелочам. Дурново спросил Шахматова, не мог бы Булаховский сдавать экзамен в Петербургском университете [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 488. Л. 75]. А. А. не только сразу же решил эту проблему, пригласив соискателя в Петербург, где он вскоре сдал экзамен блестяще, но даже просил молодого человека взять 2–3 часа в неделю вести занятия по русскому языку. Кем стал впоследствии этот, по словам Дурново, «человек, удивительно горячо преданный науке и прекрасно подготовленный», мы все хорошо знаем — академиком, директором Института языкознания АН Украины, автором целого ряда работ по истории русского литературного языка.

В начале XX века настроение А. А. Шахматова было в основном пессимистическое. «Все мы под впечатлением взятия Порт-Артура», — писал А. А. Ф. Е. Коршу 31 декабря 1904 г. — И как отвратительно себя чувствуешь: я, например, испытываю какую-то приниженность и подавленность... Неужели Россия идет к гибели?.. А не ждут ли нас разные политические осложнения, в случае если война затянется?» [СПФ

АРАН. Ф. 558. Оп. 4. Ед. хр. 365. Л. 228–228 об.]. Ученый, как говорит-ся, как в воду смотрел. Ровно через год в очередном письме к Ф. Е. Коршу опять та же печаль: «Занятия идут вяло. Слишком сильны и тяжелы впечатления от всего окружающего. Наступление реакции совершенно несомненно. А впереди общее разорение и банкротство» [ibid.: Л. 257]. В письме ему же от 13 февраля 1911 г.: «Я в самом удрученном состоянии, забросил даже занятия... Революционным комитетам я отвожу второстепенную роль, растущую, однако, соразмерно с преступною деятельностью правительства и преступным бездействием университетских властей. Для меня ясно, что эти власти не сделали ничего для успокоения студентов, не противостояли против ввода полиции в декабре, ссылки студентов без суда в отдаленные места... Впору бежать из университета, но не в виде протеста против Столыпина и Кассо, а для того, чтобы в качестве члена Совета не быть ответственным (морально) за преступное бездействие, повлекшее за собой несчастье для многих десятков юношей. Среди них отличные студенты» [ibid.: Л. 397 об.]. «Какая у нас замечательная молодежь!» — писал Шахматов Ф. Е. Коршу в одном из последующих писем.

А. А. превосходно осознавал созидательную силу филологической науки как средства не только образования, но и воспитания общества. В письме от 26 июня 1916 г. специалисту по украинской литературе В. Н. Перетцу в Киев он, сообщая о своих успехах в разработке синтаксических вопросов, заметил: «Сколько человеку предстоит еще работы в благодарных областях гуманитарных наук!» [РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 25]. К сожалению, наше современное общество почти перестало понимать ценность и «благодарность» гуманитарных наук, оно катастрофически быстро теряет представление об эстетике музыки, музыкальности и поэтичности слова, и в этом виновато, естественно, значительная часть нашей творческой интеллигенции, так быстро теряющей свою интеллигентность и русскость, повинны и наши высшие руководители культуры и образования.

А. А. много сил отдавал повышению авторитета АН и ОРЯС в обществе, сохранению их жизнеспособности. В очень откровенной переписке с Ф. Е. Коршем он то и дело печалился о неудачах, провалах и радовался успехам своего учреждения. Одно из добрых дел, за которое в 1903 г. взялось ОРЯС по настоянию учительства России было осуществление реформы орфографии, устранение из алфавита абсолютно ненужных букв (в частности, такого балласта, как букв ъ, ь, ъ) с целью облегчения школьникам овладение грамотностью. Реакция в стане кон-

серваторов была резко отрицательной, о чем свидетельствуют и письма А. А. Шахматова Ф. Ф. Фортунатову и Ф. Е. Коршу. В письме к Коршу от 18 декабря 1904 г.: «Пока изучаем обширный архив (писем о реформе — В. М.), образовавшийся у Филиппа Федоровича. Некоторые сообщения весьма и весьма дельные, например, инженера Чмутова из Пскова. Но большинство сообщений, а в особенности ругательные письма — скорее психиатрический материал, чем филологический» [СПФ АРАН. Ф. 558. Оп. 4. Ед. хр. 365. Л. 44 об.]. В другом письме ему же: «Ясно видно, что сочувствия реформе гораздо меньше, чем противников, и при том ярых, бессмысленных», — раздражался А. А. [СПФ АРАН. Ф. 558. Оп. 4. Ед. хр. 365. Л. 218].

Шахматова в очередной раз раздражил и А. И. Соболевский, известный лингвист, великолепный историк русского языка, в печати в резкой форме также выступавший против реформы орфографии, да и против некоторых других начинаний Академии. Так в 1910 г. А. А. Шахматов был возмущен еще одной его «выходкой»: на этот раз академик обрушился на ОРЯС из-за его доклада по вопросу об украинском языке. «По характеру своему, — признавался А. А., — я предпочел бы обойти письмо Соболевского молчанием, но разум и совесть подсказывают другое» [ibid.: Л. 362]. Считая необходимым выразить в печати протест Соболевскому от имени ОРЯС Академии, Шахматов, тем не менее, советовал коллегам по Академии выразить этот протест «в мягкой форме». «Боюсь, как бы Соболевский, разобидевшись, не бросил бы Академию», — говорил он коллегам [ibid.: Л. 366].

От 6 июня 1901 г. в дневнике Шахматова находим запись — в связи с его 37-м днем рождения: «Вчера мне минуло 37 лет. Я не люблю своего прошлого: много тяжелых воспоминаний. Я теперь иной человек, чем был десять лет тому назад, но приходится расплачиваться, хотя бы в мыслях, в совести со всеми теми ошибками и несообразностями, которые я наделал, например, во время моей общественной деятельности в 1891–1894 гг. Право, если бы я стал описывать свое прошлое, мой дневник превратился бы в сплошной стон, в настоящую щемящую скорбь» [РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Ед. хр. 91]. Несомненно, краски здесь весьма сгущены. Дают о себе знать мнительность и самобичевание.

Вместе с тем жизнь А. А. Шахматова — поучительный пример его постоянной работы над собой, над очевидными для него самого природными недостатками: мнительностью, застенчивостью, ранимостью. В одном из писем Ф. Ф. Фортунатову от 16 октября 1893 г. А. А. Шахматов писал: «Человек представляет такой сложный внут-

ренный мир, что трудно от него требовать непременно исполнения той или иной жизненной программы» [СПФ АРАН. Ф. 90. Оп. 3. Ед. хр. 95. Л. 44 об.]. Однако относительно самого Шахматова вполне можно согласиться с утверждением Е. П. Казанович, которая писала об этом человеке еще в 1912 году: «Вот человек, который не уменьшается и не принижается от того, что об нем узнаешь, и от того, что узнаешь об нем вообще что-нибудь за внешней официальной маской». Е. П. Казанович вспомнила очень показательный эпизод из жизни Шахматова, рассказанный ей М. Р. Фасмером. Как-то перед магистерским диспутом Н. М. Каринского Фасмер пришел к Шахматову, и разговор зашел о диссертации молодого ученого. Макс Фасмер указал на допущенные диссертантом ошибки и неправильности. Шахматов воскликнул: «Как я рад! Значит, Вы тоже заметили это! А я боялся, что, может быть, ошибаюсь сам, упрекая здесь Каринского. Так что, по Вашему, можно указать на эти ошибки?... Это уже евангельская простота и смиренномудрие: Христос и тот, наверное, больше себя ценил» [РГБ. Ф. 326. Ед. хр. 18. Л. 134–136].

Составителем многих демократических проектов, ходатайств и ответов АН и ОРЯС, в которых защищались права личности, права научных учреждений, права ученых, был, как правило, именно Алексей Александрович. Нельзя без волнения читать написанное им в январе 1905 г. большое письмо к Президенту АН по поводу опубликованной в столичных газетах «Записки 342 ученых», документа, раскрывающего суть недемократического управления страной и высшей школой России, документа, требующего привлечения к управлению государством представителей всего народа и контроля за деятельностью администрации, освобождения учебных заведений от тлетворного влияния политики, для чего, однако, нужны были особые «успокаивающие» общество и его молодое поколение условия. Президент АН великий князь Константин Константинович Романов (двоюродный дядя царя), превосходный поэт, любитель филологии в письме к Шахматову обвинил все же и лично его, и его коллег в нарушении нравственного закона. Но уж с этим-то упреком Шахматов никак не мог согласиться. «Мною, — писал академик, — не нарушен нравственный закон, который обязывает человека говорить правду... Я не нарушил и того нравственного закона, который призывает человека к миру и согласию... Занятия мои в узкой специальности языка и древностей не оправдают тех мыслей, которые я выскажу. Но их оправдывает неотъемлемое ни от кого право любить свою родину и радеть об

ее интересах» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 404–403. Л. 3–4 об.].

21 января 1905 г. Комитетом министров было принято идеологически архинеумное, если не сказать преступное, Положение, по которому Академия наук обязана была давать научные отзывы... на политически вредные и определенные к уничтожению труды ученых. К числу таких «вредных» книг правительство отнесло, в частности, книги Д. Л. Мордовцева «Накануне реформы», С. А. Венгерова «Журналисты сороковых годов», первый том «Истории французской революции» Луи Блана в русском переводе М. А. Антоновича, произведения Л. Н. Толстого на религиозную тему и др. Шахматов в который раз не стерпел. Этот натиск правительства вынудил его в ответном письме в Комитет министров решительно протестовать против его антидемократических намерений. «Уничтожение книги, — гневно писал ученый, — это такого рода насилие над проявлением человеческой мысли, которое с точки зрения научной, то есть той единственной точки зрения, с которой может судить о книге ученая комиссия, не может быть оправдано. Уничтожить произведение духовно-умственной деятельности человека, сжечь книгу научного или литературного содержания есть преступление против науки (курсив наш — *В. М.*), ибо всякое такое сочинение представляет объект научного исследования, беспристрастный суд над которым принадлежит не нам, современникам, а нашим потомкам» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 248. Л. 2 об.].

1905 год оказался очень трудным и для А. А. Шахматова, и, как известно, для всей России. Но ученого поддерживала вера в российский народ. «Одно, что меня подбодряет и утешает, — это вера в наш народ и нашу интеллигенцию. У меня было мало этой веры. Но последние события, мне кажется, свидетельствуют о неиспользованной духовной мощи народа. И такой народ не трудно будет воспитать в правильных понятиях» [ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 3. Ед. хр. 518. Л. 75].

Еще в середине XIX в. выдающийся украинский филолог А. А. Потебня, используя эзопов язык, писал, как будто чисто теоретически, о том, что вражда к письменности на известном наречии распространяется и на существование самого этого наречия, на его жизнь в устах людей, потому что письменность есть естественное развитие этой жизни» [Потебня 1962: 76]. В действительности положение национальных языков в дореволюционной России очень заботило многих деятелей науки и культуры. В 1863 г. по настоянию министра внутренних дел Валуева было принято постановление, «чтобы к печати дозволялись только такие произведения на этом (малороссийском)

языке, которые принадлежат к области изящной литературы, пропуском же книг на малороссийском языке как духовного содержания, так и учебных и вообще назначаемых для первоначального чтения народа, приостановиться» [Цит. по: Грушевский 1991: 320].

В 1905 г. А. А. Шахматов возглавил в Академии борьбу за отмену стеснений украинского печатного слова и работал над итоговым документом специально созданной с этой целью академической комиссии. В письме от 23 февраля этого года академик, советуясь с Ф. Е. Коршем о заключительном тексте документа, предложил повторить следующие слова Ю. Ф. Самарина: ««Пусть же украинский народ сохраняет свой язык, свои обычаи, свои песни, свои предания пусть в братском общении и рука об руку с великим русским племенем развивает он на поприще науки и искусства, для которых так щедро наделила его природа, свою духовную самобытность всей природной оригинальности ее стремлений... Но в тоже время пусть он помнит, что историческая роль его — в пределах России, а не вне ее, в общем составе государства Московского, для создания и возвышения которого так долго и упорно трудилось великорусское племя, для которого принесено им было так много кровавых жертв и перенесено страданий» (Соч., т. 1, с. 298). Мне такая прибавка представляется полезной в тактическом отношении. Она отразит нападки националистов» [СПФ АРАН. Ф. 558. Оп. 4. Ед. хр. 365. Л. 52–52 об.]

А. А. Шахматов горячо откликнулся на идею крупного украинского историка М. С. Грушевского создать коллективный труд об истории украинской духовной и материальной культуры. В состав авторов вошло большое число очень известных ученых России, в том числе, естественно, украинских. Идею создания этой энциклопедии «Украинский народ в его прошлом и настоящем» А. А. Шахматов не только с восторгом встретил, но в значительной степени, как председатель ОРЯС, приложил немало усилий для активизации нелегкого процесса создания этого коллективного труда. Этот двухтомный труд, который не без основания называют энциклопедией — «Украинский народ в его прошлом и настоящем», вышедший в 1914–1916 гг., — великолепное свидетельство титанической совместной работы представителей науки двух издавна братских народов [см.: Макаров 1996].

Глубокое внимание и уважение к любому человеку, его труду отличало всю семью Шахматовых. С ранних лет своего творчества будущий академик никогда не выносил приговоров тем, кто делал ошибки, полагая, что важно лишь указать на ошибку, что он и делал в

большинстве своих отзывов, рецензий. И хотя иногда его нервы были очень напряжены, он все же всегда оставался в рамках степенного научного спора. Так было с рецензией на работу Степана Смаль-Стоцкого и Теодора Гартнера [Smal-Stockij 1913], в которой авторы доказывали, что украинский язык вышел непосредственно из праславянского, минуя стадию древнерусского, и что вообще он стоит ближе к сербскому, чем к русскому. Такая позиция не разделялась большинством не только русских, но и украинских филологов. А. А. Шахматов, достаточно резко критикуя авторов концепции, счел нужным подчеркнуть, что никак не политические, а чисто научные аргументы определяют его критический настрой по отношению к рецензируемому труду [Шахматов 1914]. Что бы писал Шахматов, если бы прочитал инсинуации некоторых современных украинских авторов о происхождении украинцев и украинского языка! О том, например, что Иисус Христос говорил на украинском языке...

Выступая с лекцией в кружке украиноведения в Петербургском университете в 1908 г., А. А. Шахматов раскрылся перед студентами как истинный гуманист, для которого не может быть предпочтения одного языка другому, одной культуры — другой. «Не сомневаюсь в том, — говорил лектор, — что Вы относитесь к украинскому языку с интересом и любовью: любовь к родному языку, самая горячая, беззаветная, является в моменты угрожающей языку и народу опасности... Всему русскому народу вообще предстоит тяжелая борьба за существование на почве самобытного развития и культуры... Дух народа не может помириться с пассивной ролью, он хочет самостоятельных выступлений, он жаждет творчества; для активной роли нужно прежде всего самосознание... для народа, не желающего прозябать, родившегося жить, развиваться, оно необходимо, оно неизбежно. И прежде всего самосознание должно быть обращено на изучение современных отношений, современного облика народа и его интеллигенции, его верований и духовных стремлений, его материальных нужд и культурных потребностей» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 281. Л. 1]. Эти слова великого русского ученого о «теснейших узак» сейчас не только не потеряли своей актуальности, но стали еще более важными: в неимоверно трудное время, переживаемое сейчас не только народом юго-восточной Украины, но и всеми украинцами, да и, в связи с этими страшными событиями, русскими тоже. А. А. Шахматова связывали очень добрые отношения со знаменитым украинским историком Украины М. С. Грушевским, руководившим в зарубежном Львове Обще-

ством («Товариством») имени Т. Г. Шевченко, в члены которого за научные труды по украинистике был принят и А. А. Шахматов, воспринявший этот шаг с большой благодарностью и к Обществу, и лично к Грушевскому [Макаров 1996]. «Только что, — написал А. А. 20 июня 1911 г. в письме к М. С. Грушевскому, — получил извещение об избрании меня членом Товариства имени Шевченка... Чувствую живейшую потребность принести вам свою признательность за этот знак внимания к моей бедной и малопроизводительной деятельности. Вы, конечно, поверите мне, когда я говорю с восторгом о Вашем, теперь могу сказать нашем, Обществе. Мое русское сердце бьется с гордостью при мысли о том, какое великое дело совершено при скудных и стесненных обстоятельствах нашими собратями, руководимыми Вами в зарубежном Львове. Я часто говорю, что деятельности Товариства может позавидовать любая академия» [ЦГИАУ. Ф. 1235. Оп. 1. Ед. хр. 828]. Когда М. С. Грушевский в ноябре 1914 г. после пребывания в Вене, Италии и Румынии возвратился в Киев, он был подвергнут аресту, унижительным допросам, а затем высылке в Симбирск и Казань [Шевченко, Смолий 1991: 348]. А. А. в это время активно участвовал в судьбе М. С. Грушевского: «Вы, может быть, удивитесь, когда прочтете в этом моем письме (от 11 марта 1915 г. — *В. М.*) о моей радости, что Вы в Симбирске. Радуюсь, конечно, потому, прежде всего потому, что Вы не в Томской губернии... Свое пребывание в Симбирске Вы, вероятно, используете для научной работы. Не время ли подумать о русском переводе Вашего великого украинского труда? Если бы Вам понадобились книги, Академия, вероятно, пошла бы Вам навстречу. Быть может, при помощи нашего августейшего президента (президента Академии наук — *В. М.*)» [ibid.]. Позже АН добьется перевода Грушевского в Москву. В период между 3 и 7 марта 1917 г. на Украине была сформирована так называемая Центральная Рада. М. С. Грушевский, пользовавшийся огромным авторитетом у украинской интеллигенции, 14–15 марта был избран ее главой. Дальнейшая деятельность ученого и главы Рады знаменовала собою стремление сделать все, чтобы идея украинства, получившая реализацию пока только в границах Киева, стала всеукраинской. Грушевский настоятельно требовал в новых политических условиях расширения политической борьбы, главной целью которой глава Рады видел в требовании автономии Украины в составе федеративной России [Верстюк 1996 V: 41].

Проблема единства России волновала Шахматова и раньше. В октябре 1905 г. он писал Ф. Е. Коршу в связи с решением съезда ка-

детской партии по вопросу об отделении Польши от России. «Больной вопрос, — писал адресант, — выгодна ли автономия Польше, так тесно связанной с нами экономически. Что сделает она, если мы отгородимся от нее таможенными, как отгородились от Финляндии? Россия главный потребитель польской промышленности. Польша! Но почему именно Польша, не Балтийский край, не Грузия, не Армения! Мы накануне реформ, которые, казалось бы, должны теснейшим образом сплотить Россию и увеличить тяготение окраин к центру, и вдруг разговоры о федерации. Лучше довершить достойным образом дело собирания русской земли, чем разрушить его и поставить этим на карту существование и России и той же Польши, и той же Армении» [СПФ АРАН. Ф. 558. Оп. 4. Ед. хр. 365. Л. 71].

15 июля 1917 г. А. А. Шахматов с болью написал известному русскому юристу-ученому А. Ф. Кони о ситуации на Украине: «Как и Вы, я с особенным ужасом останавливаюсь перед предательством украинцев во главе с Грушевским. Это самый тяжелый удар по России... Наши социалисты, а в числе их даже Керенский, пошли на удочку Грушевского и одобрили то, что им, как государственным, должно было бы претить. Стараюсь заглушить в себе гражданское чувство, с усилием занимаюсь своей наукой» [ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 14. Ед. хр. 1. Л. 203]. В письме от 8 июля 1918 г. Вячеславу Измаиловичу Срезневскому (сыну академика И. И. Срезневского, работавшему вместе с А. А. Шахматовым в Библиотеке АН) А. А. Шахматов сетовал на некоего Альфреда Людвиговича (личность нами пока не установлена — *В. М.*), получение письма от которого сильно растрожило академика: А. Л. поступил на службу к украинскому правительству и свой шаг объяснял материальной нуждой. Впрочем, Шахматов не это поставил ему в вину, а участие в комиссии, «задавшей целью продать наши научные и художественные сокровища» [ЦГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 3038. Л. 84].

Призыв великого российского гуманиста к увеличению добра на земле нынче, естественно, не только не потерял своей великой значимости, но, напротив, в эпоху активно ширящегося диктата материального начала, воинствующего потребительства он нуждается в сохранении и углублении начала куда более значимого — духовного — в каждой нашей душе, в каждом нашем сердце.

Литература

Верстюк В. Ф. М. С. Грушевский у перший період діяльності Центральної Ради // Український історичний журнал. 1996. №5 (410).

Воспоминания об А. А. Шахматове / Вступление, комментарий, публикация *В. И. Макарова* // Русская речь. 1984. №3.

Грушевский М. С. Очерк истории украинского народа. Киев, 1991.

Листування М. С. Грушевського й О. О. Шахматова / Вступ. коментар., публікація *В. И. Макарова* // Український історичний журнал. 1996. № 5–6.

Макаров В. И. А. А. Шахматов, Украина и украинцы // Русское наследие в странах Восточной и Центральной Европы. Брянск, 2010.

Масальская Е. А. Повесть о моем брате А. А. Шахматове. Ч. 1. Л., 1929.

Масальская Е. А. Повесть о моем брате А. А. Шахматове. М., 2012.

Ольденбург С. Ф. А. А. Шахматов как человек и деятель // Известия ОРЯС. Т. 25. Пг., 1922.

Потебня А. А. Общий литературный язык и местные наречия // *О. О. Потебня.* Ювілейний збірник до 125-річчя з дня народження. Київ, 1962.

Шахматов А. А. Сборник статей и материалов. Вып. 3. / Под ред. *С. П. Обнорского.* М.–Л., 1947.

Шахматов А. А. До питання про початок української мови. По поводу книги Ст. Смаль-Стоцкого и Т. Гартнера // Україна. 1914. № 1.

Шевченко Ф. П., Смолий В. А. М. С. Грушевский: краткий очерк жизни и научной деятельности // М. С. Грушевский. Очерк истории украинского народа. Киев, 1991.

Smal-Stocky J. St., Gartner Th. Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache. Wien, 1913.

Басаргина Екатерина Юрьевна
Санкт-Петербургский филиал
Архива Российской академии наук
Россия, г. Санкт-Петербург

**«Жизнь и смерть А. А. Шахматова»: слово профессора
А. А. Грушки на заседании памяти А. А. Шахматова в 1921 г.
(Публикация, предисловие и примечания Е. Ю. Басаргиной)**

Смерть А. А. Шахматова в ночь с 16 на 17 августа 1920 г. произвела на русских филологов сильнейшее, гнетущее впечатление и оставила в их сердцах шемящее чувство пустоты и сиротства перед невосполнимой утратой. Гибель А. А. Шахматова была подготовлена кошмарными условиями тогдашней жизни. В июле 1918 г., в последнем письме к И. В. Ягичу, который принадлежал к тем немногим ближайшим ему людям, о которых он постоянно думал и сердечно любил, Алексей Александрович написал: «Когда шла война, в самый разгар ее, я всегда говорил жене и знакомым, что по окончании ее первым делом поеду навестить Вас. Утрата возможности общаться с Вами была мне так тяжела, что я хотел вознаградить себя свиданием с Вами. Но теперь все так изменилось, что не нахожу в себе нравственных сил исполнить это свое прежнее желание: чувствую себя настолько опозоренным, нравственно разбитым, униженным, что не решусь свидеться даже с Ва-

**Ил. 2. А. А. Шахматов. Фотопортрет.
Б. д. Саратов.**

СПФ АРАН © . Р. Х. Оп. 1-Ш. Д. 46. Л. 1.

ми, которого всегда считал верным другом России. Только обязательства перед семьей дают мне силы переживать весь тот гнусный позор, который нас окутал. Я совершенно не надеюсь дожить до лучших дней; думаю, что и физически мой организм настолько пошатнулся, что жить мне осталось недолго». Унижение и позор России причиняли Шахматову жгучие страдания, его «возмущенная совесть», используя его собственные слова, испытывала негодование, отчаяние, страх за будущее родины.

Исключительное чувство долга перед Академией удерживало А. А. Шахматова в голодном Петро-

граде в 1919 г., когда он отказывался от всех предложений уехать в более сытую провинцию или за границу. Принятое им решение держаться в Петрограде до последней возможности, не оставлять Академию в тот момент, когда ее учреждения и особенно библиотека, которой он заведовал, нуждались в его заботе — это был настоящий акт самопожертвования. Увы, эти заботы надломили его последние силы, а первобытные условия существования свели его в могилу.

Смерть А. А. Шахматова вызвала ряд устных и печатных воспоминаний и оценок, проникнутых сознанием высокой ценности его научных заслуг и нравственных достоинств. Заседания памяти А. А. Шахматова прошли в 1920–1921 гг. в Петрограде, Москве, Саратове, Казани и в других городах.

27 февраля 1921 г. состоялось объединенное заседание историко-филологического факультета Московского государственного университета, Общества любителей российской словесности, Московской диалектологической комиссии, Лингвистического общества и Общества истории и древностей российских. На заседании были прочитаны доклады: А. А. Грушки — «Жизнь и смерть А. А. Шахматова»; Д. Н. Ушакова — «А. А. Шахматов — историк русского языка»; Ю. В. Готье — «А. А. Шахматов — историк»; П. Н. Сакулина — «Научно-общественная деятельность А. А. Шахматова»; В. К. Поржезинского — «А. А. Шахматов как лингвист»; М. Н. Сперанского — «А. А. Шахматов — историк древнерусской литературы» [Состав тома: VII]. Прочитанные на этом заседании сообщения вошли в состав тома «Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук» за 1920 г., за исключением вступительного слова декана историко-филологического факультета Московского университета профессора А. А. Грушки.

Аполлон Аполлонович Грушка (1870–1929) — один из видных представителей московской классической филологии, тонкий знаток древних языков, автор фундаментальных исследований в области латинского словообразования [Грушка 1900, 1906, 1909].

По свидетельству современников, Грушка обладал выдающимся ораторским талантом, «блестящим, гибким и тщательно обработанным вплоть до произношения, весьма выразительного и эффектного» [Покровский 1930: 79]. Широкая образованность в сочетании с незаурядным ораторским дарованием обеспечили Грушке большую популярность среди его слушателей в Московском университете, с которым он был связан с 1898 г. вплоть до закрытия историко-филологического факультета в 1921 г. В 1928 г. Грушка был избран в

члены-корреспонденты АН СССР по разряду классической по разряду классической филологии и археологии Отделения гуманитарных наук.

А. А. Грушка и А. А. Шахматов были ближайшими учениками профессора классической филологии Ф. Е. Корша, известного необычайной широтой академических интересов полиглота. Шахматов вспоминал, что студентом Московского университета он работал под руководством Ф. Ф. Фортунатова, «постоянно поверяя результаты своих работ в беседах с Ф. Е. Коршем» [Шахматов 1917: 231]. Грушка также был преданным учеником Корша, который, по его словам, «своими лекциями создавал историко-филологическую школу тонкой, точной и реалистичной экзегезы, чуждой всего фантастического, вычурного, надуманного» [Грушка 1916: 15]. Под влиянием своего учителя Грушка посвятил себя изучению исторической грамматики латинского языка.

Благодаря Коршу Шахматов и Грушка ближе узнали друг друга. Грушка вспоминал о том, как в конце 1896 г. они участвовали в создании исследования Корша «О русском народном стихосложении»: работа была экспромтом продиктована Шахматову и Грушке, попеременно записывавшим за Коршем с 8 часов вечера до трех часов ночи. Эту историю Грушка привел как иллюстрацию мощной трудоспособности Корша и его феноменальной памяти: многочисленные примеры из разных былин, вместе с вариантами и поправками, Корш диктовал по памяти [Грушка 1916: 23]. Эта история дает представление и о преданности А. А. Шахматова своим учителям, заботу о которых он считал своим нравственным долгом и делом научного пиетета. В 1896 г. он был уже адъюнктом Академии наук и редактором «Известий ОРЯС», поэтому взял эту рукопись в Петербург и тотчас сдал ее в академическую типографию [Корш 1896–1897]. Шахматов в немалой степени содействовал избранию Корша в Отделение русского языка и словесности в 1900 г., а в 1914 г. Корш завещал Шахматову разбор своего архива.

В своей речи А. А. Грушка вспомнит о том, что Корш «с нежностью называл Шахматова голубицей». Сам Грушка в частных беседах отзывался о Шахматове как о «кристальной души человеке» [Покровский 1930: 79–81; Расторгуев 1922: 318].

В 1921 г., в дни панического страха и унижения А. А. Грушка открыто, в полный голос обвинил большевиков в гибели А. А. Шахматова — первостепенного в своей области ученого и исключительного, Речь Грушки «Жизнь и смерть А. А. Шахматова» дышала гневом и негодованием. Обличительный тон речи А. А. Грушки закрыл ей дорогу в печать, и она не попала в том «Известий ОРЯС», посвященный памяти А. А. Шахматова.

Рукопись речи проф. А. А. Грушки передал в Архив РАН академик В. М. Истрин, в настоящее время она хранится в фонде А. А. Шахматова [Ф. 134. Оп. 1. Д. 397. Л. 2–6]. Текст речи написан чернилами на отдельных листках и представляет собой беловой автограф с исправлениями автора. На обороте л. 1 имеется помета: Вступительное слово декана историко-филологического факультета Московского университета.

А. А. Грушка «Жизнь и смерть А. А. Шахматова».
Вступительное слово декана историко-филологического факультета Московского университета на торжественном заседании памяти академика А. А. Шахматова в Москве.

10 февраля 1921 г.

[Объявляю открытым торжественное соединенное заседание историко-филологического факультета, Общества любителей российской словесности, Московской диалектологической комиссии, Московского лингвистического общества и Общества истории и древностей российских.]¹

М[илостивые] г[осудары]ни и м[илостивые] г[оспода]! Мы собрались для того, чтобы чествовать жизненный подвиг безвременно сошедшего в могилу славного питомца Московского университета, великого ученого земли русской, Алексея Александровича Шахматова.

Предлагаю присутствующим благоговейно почтить его светлую память вставанием.

«Жизнь и смерть Шахматова» — такова тема моего вступительного слова. Итак, позвольте мне прежде всего в² кратких чертах напомнить Вам основные биографические факты, касающиеся почившего ученого³.

Подобно многим выдающимся русским деятелям Алексей Александрович принадлежал к старинному дворянскому роду. К сожалению, наши сведения о родителях Шахматова отличаются чрезвычайной скудостью. Образ его матери остается совершенно невыясненным⁴. Об отце мы знаем только, что он был судебным деятелем⁵, довольно круп-

¹ Абзац вычеркнут.

² Далее зачеркнуто: «в нескольких словах».

³ Биографические сведения о Шахматове А. А. Грушка почерпнул из автобиографии ученого [Шахматов 1917: 230–232].

⁴ Мария Федоровна Козен (1838–1870), воспитанница Екатерининского института, была образована, начитана, талантлива, с кротким ангелоподобным характером [Масальская 2012: 22–24].

⁵ Шахматов Александр Алексеевич (1828–1871) окончил училище Правоведения, в 1847–1857 гг. был секретарем Сената, участвовал в приготовлениях судебной реформы, служил в Смоленске, Пензе, Воронеже, Харькове, Москве. В 1867 г. получил солидное назначение проку-

ным саратовским помещиком¹ и превосходно владел французским языком, передав это искусство и своему сыну². Родился Алексей Александрович 5 июня 1864 г. в г. Нарве. 7 лет от роду он остался круглой сиротой, взят на попечение своим дядей со стороны отца и до 12-летнего возраста провел в его саратовском имении³. Научные интересы поразительно рано проснулись в высокоодаренном ребенке, и в этом отношении Алексей Александрович напоминает некоторых великих людей Запада, напр[имер], Томаса Мора или Джона Стюарта Милля⁴. Прочитанная им в раннем детстве известная книга А. Ф. Петрушевского «Откуда пошла русская земля», а вслед затем — «История государства Российского» Карамзина вызвали в нем сильное влечение к отечественной истории, а сочинение А. С. Хомякова о родстве славянских языков с⁵ санскритом⁶ заронил первую искру лингвистических интересов.

пора Харьковского судебного округа. В один день, 6 октября 1868 г., он был произведен в тайные советники, пожалован сенатором, получил должность старшего председателя Одесской Судебной палаты и Станислава I степени: такое назначение было большой редкостью. Семейные хроники Шахматовых передают, что А. А. Шахматов писал своим братьям, что «до того устал, так далек от личного честолюбия (ему было 39 лет), что вся гордость его в сыне, “который много обещает”» [Масальская 2012: 13–30, 35–40, 49].

¹ Едва ли это было так. После смерти отца в 1868 г. на долю А. А. Шахматова досталось «2 ½ тыс. десятин с усадьбой в Хмелевке, с 30-тысячным долгом, и Липяги, небольшое (540 дес.) имение без усадьбы в Пензенском уезде» [Масальская 2012: 48].

² А. А. Шахматов рано заговорил по-французски, но не благодаря отцу, постоянно находившемуся в разъездах по делам службы, а благодаря своей гувернантке m-elle Louise («Мазаль Луизе», как ее называли дети), к которой он очень привязался. В 1867 г. ее сменила русская няня, потому что, по словам Е. А. Масальской, «мама жаловалась в своих письмах, что Леля так стал “французить”, что совсем забыл русский язык, да и выговор у него стал иностранный, что совсем ей не нравилось» [Масальская 2012: 33, 40].

³ Алексей Алексеевич Шахматов (1832–1880) и его жена Ольга Николаевна (урожд. Челюсткина, 1840–1919) заменили А. А. Шахматову и его двум сестрам родителей.

⁴ *Мор Томас (Sir Thomas More, 1478–1535)*, английский гуманист, государственный деятель и писатель; основоположник утопического социализма. Один из образованнейших людей своего времени, Мор получил основательное классическое образование. Хорошей школой для юного Томаса явилась жизнь в семье архиепископа Кентерберийского (впоследствии кардинала) Джона Мортон. Высоко оценивая незаурядные способности своего воспитанника, его остроумие и стремление к знаниям, Мортон предсказал, что Мор станет «изумительным человеком». По совету Мортон Мор продолжил свое образование в Кентерберийском колледже Оксфордского университета. Роберт Уиттингтон и Эразм Роттердамский, высоко ценившие его английский ум и редкостную ученость, называли его «человеком для всех времен» (a man for all seasons, omnibus omnium horarum homo).

Милль Джон Стюарт (Mill John Stuart 1806–1873), английский философ, экономист и политический деятель. С ранних лет проявил интеллектуальную одаренность: он начал учить древнегреческий язык с трех лет и латинский язык с восьми, в возрасте шести лет уже был автором самостоятельных исторических работ, а в двенадцать лет приступил к изучению высшей математики, логики и политической экономии.

⁵ Далее зачеркнуто: «финским».

⁶ Имеется в виду работа [Хомяков 1855].

12-летним мальчиком Алексей Александрович вместе с семьей дяди отправился за границу — в Австрию, Германию, а через год — в Париж. Очутившись в Мюнхене, он проник в людную университетскую библиотеку¹ и читал в ней античных географов — Страбона // (л. 2) и Помпония Мелу, извлекая из них сведения о древнейших обитателях России², а затем, переехав в Лейпциг, поступил в тамошнюю гимназию³, где представил учителю Бругману⁴ (брату знаменитого немецкого лингвиста) сочинение о скифах, которое, по скромному замечанию самого Алексея Александровича, обнаружило его плохую осведомленность в немецком языке⁵. По возвращении в Россию Алексей Александрович поступил сперва в Московскую частную гимназию Креймана⁶, а затем — после годичного пребывания в деревне — 15-

¹ Ср. письмо А. А. Шахматова к сестре Евгении, написанное уже в Лейпциге и помеченное 8 августа нов. ст. 1876 г., в котором он подробно описал свои чувства, когда дядя завез его и оставил одного в Королевской библиотеке: «Мои шаги звучно раздавались на красивой мраморной лестнице, ведущей в читальную комнату, где меня ожидал Страбон, Помпоний Мэла и Маннерт... Когда я взял эти книги, мне показалось, что я приступил к порогу, куда мне так хотелось, что я сломал стену, отделяющую меня от этих источников, что я теперь не буду ссылаться на Карамзина и Соловьева, которые сами ссылаются на Страбона и др., что я теперь могу собственным трудом достигнуть имени историка, но не трудами Карамзина и Соловьева, что я сам могу рыться в библиотеках, в архивах, что я прежде все не попадал в свою цель, а теперь именно я достиг всего того, о чем я думал. Страбоновский слог показался мне трудным, так что я мало что выписал из него; из Помпония Мэла я все понял. Маннерт, хотя жил тому век прежде нас, но все-таки я понял и сделал много выписок»: [Масальская 2012: 136].

² Для истории России важное значение имели сведения о европейской и азиатской Скифии, о Кавказе и каспийских землях, содержащиеся в «Географии» Страбона (ок. 63 до н. э. – ок. 20 н. э.), а также показания «Описательной географии» Помпония Мэлы (15–60 н.э.).

³ В августе 1876 г. А. А. Шахматов поступил в 4-й класс Nikolai-Gymnasium в Лейпциге.

⁴ *Бругман Карл* (Brugmann Karl 1849–1919), специалист в области сравнительного языкознания и индоевропейстики, один из основоположников младограмматизма, профессор Лейпцигского университета. Его брат был суровым и взыскательным учителем Nikolai-Gymnasium. В одном из писем к сестре Евгении А. А. Шахматов описывает его так: «Бругман – Classenlehrer (учитель класса) и доктор (“все в Лейпциге доктора”, — замечает Леля в скобках) преподает языки и историю, светло-рыжий, довольно добрый, но иногда очень вспыльчивый. Говорит мало, но тихо...» [Масальская 2012: 139].

⁵ См. [Шахматов 1917: 230].

⁶ Гимназия Франца Ивановича Креймана, открытая в 1858 г. — одно из первых частных учебных заведений в России. В гимназии Креймана А. А. Шахматов учился и до поездки за границу: с января по май 1875 г. и два зимних месяца 1876 г. По возвращении из-за границы он был принят в 3-й класс (в апреле 1877 г.) [Масальская 2012: 109–129, 154]. Шахматов учился в гимназии в самый разгар действия системы классического образования, введенной в 1871 г. Д. А. Толстым, когда, по словам школьного товарища Шахматова Е. Н. Трубецкого, «на демонстративном утверждении этого классицизма гимназия Креймана делала карьеру» [Трубецкой: 8]. По мнению гимназиста Шахматова, «самым страшным» был учитель латинского языка А. Н. Шварц — в будущем известный филолог-классик и министр народного просвещения [Масальская 2012: 110].

летним мальчиком был принят в 5 класс IV Московской гимназии¹, в которой преподавание русского языка велось почтенным и ученым преподавателем А. Г. Преображенским, автором известного, но, к сожалению, неоконченного русского этимологического словаря². К этому же времени относится и его знакомство с рядом московских профессоров — сперва с Н. И. Стороженко³, затем — с В. Ф. Миллером⁴ и, наконец, — с двумя корифеями лингвистики —

¹ Московская 4-я гимназия была основана в 1849 г. и в годы учебы Шахматова располагалась в доме Апраксиных-Грубецких на Покровке. По сообщению Е. А. Масальской, Шахматов поступил в 4-й класс гимназии в январе 1879 г. В письме от 27 января 1879 г. Шахматов написал родным: «4-я гимназия — школа как школа, но школа без всякого сравнения лучше Крейманского пансиона» [Масальская 2012: 219]. Это первое впечатление почти не изменилось у него до самого окончания курса, и много лет спустя он напишет в автобиографии о том, что среда и обстановка в этой гимназии пришлись ему по душе [Шахматов 1917: 230]. В годы учебы в гимназии учителя и товарищи отошли для него на второй план, потому что его всецело интересовали собственные научные исследования и общение с профессорами Московского университета. Для понимания зрелого отношения Шахматова к учебе важно его письмо к родным от 18 марта 1879 г., где он пишет: «У нас на этой неделе происходила так называемая пересадка, то есть общий вывод за учение с января по март и назначение первыми, вторыми, третьими учениками; я, наверное, буду или пятым или четвертым-третьим учеником (мне это дело очень мало); я отчасти рад тому, что у меня прихрамывал греческий, а отчасти и латинский, иначе, наверное, был бы вторым, если не первым учеником; если бы я хотел, я бы мог получить гораздо лучшие баллы, но, милые родители, — не хочу я быть выскочкой между товарищами. Я знаю — что я знаю; я знаю, что перейду в 5-й класс знаю, что считается буду хорошим учеником, и знаю, что товарищи не будут смотреть на меня, как на выскочку, не будут смотреть на меня, как на кандидата, потюющего и домогающегося места первого ученика (как то было у Креймана). Мне не холоднее, не теплее, из греческого 3 мне или 4; я знаю, что я знаю, более мне не нужно ничего, так как я имею то убеждение, что учусь древним языкам не для гимназии, как это все учатся, а собственно для себя» [Масальская: 240]. Гимназию А. А. Шахматов окончил в 1883 г. с серебряной медалью.

² *Преображенский Александр Григорьевич* (1850–1918), лексикограф и педагог. «Этимологический словарь русского языка» был подготовлен автором почти целиком, но опубликован при его жизни лишь частично (Т. I. А–О. М., 1910; Т. II. П–С, до слова *сулея* включительно. М., 1914.). После большого перерыва, в 1949 г., в «Трудах» Института русского языка АН СССР был опубликован конец словаря (Т. 3. Т–Я. М.–Л., 1949). В 1959 г. весь изданный ранее материал был объединен и издан в двух вариантах (однотомном и двухтомном).

А. Г. Преображенский не преподавал в классе, в котором учился А. А. Шахматов [Масальская 2012: 257]. В 1879 г. учителем русского языка и словесности в классе А. А. Шахматова был Сергей Иванович Яковлев. Кроме Яковлева, в письмах к родным Шахматов упоминает имена учителей В. А. Лебедева (русский язык), А. К. Кордасевича (латинский язык), Я. И. Кремера (греческий язык). Любопытно замечание юного А. А. Шахматова о преподавании древних языков в гимназии: «Я смотрю на классические языки, как, вообще, на все языки, — а учителя смотрят иначе (я и плох); я смотрю на алгебру так же, как учителя (я и хорош). А глядеть одинаковыми глазами на греческий и латинский языки, столь интересные, одинаковыми глазами с учителями, этого я не могу и, как только я стану зубрить (!), как советует, например, Кремер, мне становится противной столь интересная греческая грамматика» [Масальская 2012: 242].

³ *Стороженко Николай Ильич* (1836–1906), один из первых специалистов по западноевропейской литературе в России, профессор Московского университета.

⁴ *Миллер Всеволод Федорович* (1848–1913), фольклорист, лингвист, этнограф и археолог, профессор Московского университета, директор Лазаревского института восточных языков; академик Имп. АН (1911).

Ф. Ф. Фортунатовым¹ и Ф. Е. Коршем², оказавшим, по его собственным словам, большое влияние на развитие его научных интересов³. Вместе с тем он усердно изучал в Синодальной библиотеке⁴ и в Румянцевском музее⁵ старинные рукописи и успел напечатать (в 1881 г.) на немецком языке специальную статью о критике древнерусских текстов⁶. Его эрудиция быстро росла, и гимназистом 7 класса с большим блеском он впервые выступил в стенах Московского университета в качестве оппонента из публики на магистерском диспуте зрелого и притом уже тогда замечательного ученого — А. И. Соболевского⁷. Таково было героическое начало ученой карьеры Алексея Александровича.

¹ *Фортунатов Филипп Федорович* (1848–1914), один из основоположников индоевропейстики в России и родоначальник московской лингвистической школы, профессор по сравнительному языковедению и санскритскому языку Московского университета, академик Императорской Академии наук (1898).

² *Корш Федор Евгеньевич* (1843–1915), филолог-классик, славист, востоковед, см. выше.

³ Кроме перечисленных А. А. Грушкой ученых большую роль в жизни Шахматова сыграл И. В. Ягич, знакомство с которым относится к 1881 г.

⁴ Московская Синодальная Библиотека получила свое наименование в 1721 г., когда она перешла из ведения Московских патриархов в учрежденный в том же году Св. Синод. Начиная с XVII в. библиотека служила неиссякаемым источником для ученых; в XIX в. главное богатство библиотеки составляли греческие и славянские рукописи преимущественно духовного содержания. Описанием собрания занимались А. Скиада, Фр. Маттеи, А. В. Горский и К. И. Невоструев, А. Е. Викторов и др. В настоящее время рукописное собрание библиотеки находится в Государственном историческом музее.

⁵ Румянцевский музей был создан на основе частной коллекции канцлера графа Н. П. Румянцева (1754–1826), переданной правительству в 1827 г. Румянцева собрал библиотеку, замечательную систематичностью подбором книг и рукописей, а кроме того, нумизматическую, минералогическую и археологическую коллекции. В 1861 г. музей перевели в Москву и разместили в доме Пашкова; в последующие годы библиотека и собрание рукописей значительно обогатились. Описания рукописного собрания музея были составлены А. Х. Востоковым, В. М. Ундольским, А. Е. Викторовым. В настоящее время здание музея и его фонды принадлежат Российской государственной библиотеке.

⁶ Имеется в виду [Schachmatow 1881].

⁷ Защита магистерской диссертации А. И. Соболевского «Исследования в области русской грамматики» состоялась 13 сентября 1882 г. в Московском университете. По поводу предстоящей защиты Ф. Ф. Фортунатов писал И. В. Ягичу 1 апреля 1882 г.: «Очень бы мне хотелось, чтобы Шахматов был оппонентом на диспуте Соболевского и поучил бы кое-чему диспутанта, а последнему очень бы не мешало поучиться относительно того, как следует изучать русский язык» [Korespondencija: 243]. По словам Фортунатова, на защите Соболевского Шахматов «обнаружил отличные знания и возражал вообще великолепно» [Korespondencija: 261]. Сам Шахматов описал защиту в письме к родным: «13-го сентября в понедельник я пошел в гимназию, присидел там все уроки и пошел в Университет. Диссертация началась в 2 часа: сначала возражал Ф. Ф., потом профессор Дювернуа, Корш, наконец, я. Говорил в продолжение часа, только сначала немного задрожал у меня голос, но потом все пошло плавно и складно; потом только говорили, что я говорил слишком скоро. Соболевский было начал улыбочками и докторальным тоном: “разве вы этого не знаете?” и т. д.; но потом присмирел и стал вежливее; лишь только он кончил свою защиту против моего возражения каким-нибудь выражением, как будто указывающим, что я игнорирую то-то и то-то, его подхватывал Корш, так что вышло очень оживленно...»